

Любовью к Нее

ПЯТИ КОЛЛЕГИ

ок дней, как ушёл из жизни Владимир Леонидович Ширяев. Аналист, отдавший любимому делу более 50 лет своей жизни, почти 40 из них проработал в «Северном». Своими воспоминаниями о коллеге и друге делится многие годы друживший с ним бок о бок бывший фотокор нашей газеты Юрий Барышев. Связывала их с Владимиром Леонидовичем не только работа, но и страстная любовь к Нее.

Нея! Река с этим поэтическим названием протекает на северо-западе Костромской области. До неё около трёхсот километров. Но кто их считает, когда ждешь первозданную красоту дремучих лесов, хрустально-прозрачность вод и тишина. Когда-то Нея была сплавной рекой, и до сих пор на дне её во многих местах лежат затонувшие бревна, которые служат надёжным укрытием от хищнических сетей. Река вся в перекатах, перекатах и омутах, а берега её украшают пляжи и заросли.

Впервые я попал на Нею в далекие семидесятые годы. С товарищем Володей Ширяевым, ярославским журналистом, мы остановились близ деревни Власово. Володя был перекатным спиннингистом и с расстояния в 40 – 50 метров кидает блесну в обыкновенную тарелку. Как говорят, рыба шла к нему. Я же в то время увлекался подводной охотой. Там мог плавать среди завалов бревен и зарослей травы в поисках рыбы или поджидать крупных головлей ниже переката.

И вот мое первое погружение в воды Неи. Прозрачность воды близка к морской. Глубины небольшие, полтора-два метра. Впереди первый завал. Что это?! Из завала появляются стаи язей и спокойно проплывают в метре от меня. Да это же не пуганая рыба! Даже делаться как-то неудобно. Но охотничий азарт берёт своё, и рез каких-то полчаса у меня в кукане полтора десятка язей, головлей и даже одна щука.

С тех пор Нея стала для нас Володей самой желанной рекой. За сезон мы успевали съезжать в те края три-четыре раза. Мой преуспевал в спиннинге – его добычей чаще всего становились щуки. И какие! Экземпляры в пять – семь килограммов были не редкостью. На перекатах мы часто ловили головлей на перетягу. Каждый на своем берегу держал по спиннингу с общей леской, а посередине поводок с небольшим крючком и нанизанной стреклой или кузнечиком. Легкое погребание создавало иллюзию выходящего по воде насекомого. Сколько минут, и следовала щелканая хватка головля или жерек.

Позднее мы нашли на реке место, которое стало для нас

самым-самым... Ниже поселка Лопыты, тогдашнего леспрохоза, за деревней Селищи, семикилометровый пустырь: луга, леса, болота. Местные жители называют его Пески. Представьте себе, пойменный луг, промыываемый весенними водами, заросли ивы и разбросанные там и сям сухие пни. К реке спуска-

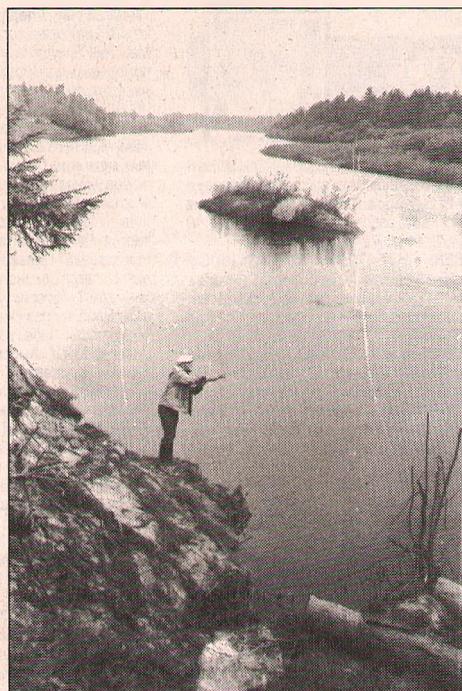

Фото из архива Юрия БАРЫШЕВА.

ется пляж из совершенно белого, как манная крупа, песка, из которого кое-где торчат огромные лопухи мать-и-мачехи. Река в этом месте особенно красива. Сверху идет километровый перекат с торчащими из воды бревнами и корягами, а ниже начинается плес с постепенным углублением. На границе переката и плеса бурун, где все время плещется рыба. Зрелище неповторимое!

Как-то в одну из поездок мы прибыли на наше любимое место. Володя пошёл обследовать перекат, а я стал бросать блесну в начало плеса. Хотите – верьте, хотите – нет, с первого броска взяла щука, чуть больше килограмма. Второй бросок – опять щука! Третий – и снова щука. Хватаю ласты, маску, ружье и бегу на перекат, к бревнам. Нырять, пытаюсь что-то разглядеть... Минут через двадцать начинаю в тельняшке мерзнуть. Плыву к берегу и... бывает же такое! Не под бревном, а на бревне стоит красавец-судак килограмма на три. Выстрел... и я с трофеем выхожу на берег.

Положив рыбу в тень у машины, начинаю готовить лодку к утренней рыбалке в проводку. Подходит Володя и, ещё не видя рыбы, начинает раздражённо доказывать, что ехать надо было выше по реке, под Буслаево... Но, увидев мою добычу, молча хватается за спиннинг и бросается вниз по реке. Через полтора часа возвращается возбужденный: «Ты знаешь?! Вот такая взяла, крючок разогнула. А так бы я тебя обошёл!»

Рано утром, в половине четвертого, я на лодке встаю под перекатом. Клюет бойко. Иногда насадка даже не успевает опуститься на дно. Подлещики, подъяски и даже головли. Опомился я, когда сидел уже весь в рыбе. Меня остановил голос Володи: «Куда тебе столько?» Причалил к берегу, выгасил лодку, вместе засолили рыбу и через сутки развесили её вялить. Тоже занятие!

Но друг требовал переехать под Буслаево. Там у него когда-то взяла крупная щука.

И мы поехали. Река под Буслаевом глубже и с большим омутом. Я тут же поймал на спиннинг полтора килограммовую щуку, а плаывая под водой, нарвался на язей. И вдруг сенсация. Является Ширяев и приносит огромную щуку – от пояса и до земли. Начинаем гадать, сколько в ней. Весов нет. Вернее, есть, но до пяти килограммов. Сделали мы что-то вроде безмена. На один конец метровой палки подвесили щуку, а на другой – ведро. Льем в него воду: литр, два, три. Равновесие наступило на седьмом или восьмом литре. Да, даже для Неи это был трофей завидный!

Вот так проходили наши рыбачьи поездки на эту милую сердцу реку. С каждой из них мы все больше влюблялись в Нею, но в силу обстоятельств вынуждены были на время с ней расстаться.

Уже в новом веке мы приехали с моим другом на старое место под Селищами. Вот они, луг, перекат, плес... Только рыбы нет. Стала Нея такой же, как наши Сара, Устье, Солоница. Мало травили рыбу и её молодёжь удобряли с полей, сбросами водохранилищ, так ещё и открыли свободную продажу сетей и других браконьерских средств лова. Изобрели даже электроудочку! Горько обо всем этом писать, но я рад, что когда-то были мы с Володей Ширяевым свидетелями рыбных богатств наших рек.

Юрий БАРЫШЕВ,
заслуженный работник культуры РСФСР.